

ДАЛИ ИСКУССТВА

АНАСТАСИЯ ВЯЛЬЦЕВА

«Талант этот, — продолжала одна из газет начала века, — сказывается во всем: и в умении владеть своим красивым, мягким, хорошо развитым голосом, выказывая в нем целую скалу оттенков, от утонченного филирующего рiано и выразительного говорка до громкой и эффективной ферматы в верхнем регистре, основанной на чрезвычайно записливом дыхании певицы, и в рафинированно разработанной декламации, к услугам которой на редкость отчетливая и богатая оттенками дикция, и, наконец, в главном и всецело природном качестве певицы, а именно — в присущей ей силе очарования, сообщающегося слушателю не только в теплоте нервных вибраций ее красивого голоса, но и в привлекательности ее улыбки, ее легкого и выразительного жеста...»

Откуда же появилась на небосклоне русской эстрады эта яркая и красивая «звезда» первой величины? (Рассказывали тогда анекдот, что популярный цирковой борец Иван Поддубный сказал однажды: «В России есть три знаменитости: я, Горький и Вьяльцева».)

Биография Вьяльцевой по странности напоминает содержание ее любимых романсов — быстрый, стремительный взлет, недолгое, но ослепительное свечение («любви час золотой») и ранний, неожиданный закат.

Родилась Анастасия Дмитриевна в 1871 году, в семье крестьянина-бедняка, в городе Трубчевске Орловской губернии. Девочкой переехала с матерью и братом в Киев. Восемь лет уже работала — сначала ученицей в мастерской дамского платья, потом подгорничной в гостинице. На сцену впервые вышла в тринадцатидесятилетнем возрасте. «Это было в Киеве, в опереточной труппе И. Я. Сетова, — вспоминала Вьяльцева, отвечая на вопрос одного из репортеров. — ...Петь я тогда не мечтала. Лишь три года спустя, 16-летней девушкой, я поступила на вторые партии...»

В начале 90-х годов маленькая безвестная Золушка переехала в Петербург и стала выступать в опереточной труппе С. А. Пальма в Малом театре. Современник вспоминал: «Когда по опереточному канону хористки выстраивались дугой по обеим сторонам авансцены, то направо на первом, а иногда на втором месте стояла очень худая молодая девушка с прелестной улыбкой... Случалось, что она исполняла партии в два-три слова и пела «вот идет графиня» или «как ужасно, как прекрасно». Никому в голову не могло прийти, что эта худенькая девушка с прелестной улыбкой станет в своем роде всероссийской знаменитостью...»

Так и пришлось бы Вьяльцевой всю жизнь прозябать в столичных и провинциальных опереточных труппах, петь нечто вроде «кушать подано» и кануть в безвестность вместе с тысячами га-

ких, как она. Ибо, по отзывам всех видевших и слышавших ее, артистического таланта, волшебного дара перевоплощения у нее не было, ее героини походили друг на друга, как близнецы, да и голос был «небольшой и жестковатого тембра».

Но счастливый случай превратил провинциальную Золушку в столичную принцессу. В конце прошлого века вновь вспыхнула бытовавшая во времена Пушкина, но потом исчезнувшая мода на цыганщину. Увы, это были уже не те разудалые, лихие, а иногда цемюще-грустные песни вольного степного народа. Ресторанная «практика» наложила на них свой отпечаток, превратив лихость и грусть в болезненный надрызг, а вольную страсть — в игривость и фривольность: трагедия стала мелодрамой. Вот в таком виде, умело подкрашенная и припудренная, цыганская песня появилась на эстраде.

По инициативе известного журналиста П. Ф. Левдика все в том же петербургском Малом театре каждую субботу устраивали концерты, где блистали Дмитрий и Ольга Шишкины, Полякова, Морозова. Однажды в оперетте-обозрении «Цыганские песни в лицах» Вьяльцевой поручили маленькую роль Кати. В последнем акте она должна была исполнить куплет «Захочу — полюблю». Блестяще спетая песенка, ставшая затем на долгие годы «гвоздем» всех ее концертов, решила судьбу Вьяльцевой. Артистка нашла себя, ее заметили. «В нее влюбился известный адвокат Холев, который ввел ее в литературные и художественные круги Петербурга, — вспоминает современник певицы М. Днепров.

Вьяльцева начинает упорно заниматься своим голосом, берет уроки вокала у известного в то время профессора Сонки. Прошло шесть лет, и голос ее стал неузнаваем — Вьяльцевой поручали ведущие партии в оперетте. Но поистине сенсационный успех принес ей первый самостоятельный концерт в московском театре Эрмитаж в 1897 году. «Вероятно, никто из русских артистов, за исключением разве только одного Ф. Шалыпина, — писал критик Л. Пальмский, — не сделал такой феерической карьеры, не пользовался такой широкой популярностью и не имел такого головокружительного успеха, как... Анастасия Дмитриевна Вьяльцева».

Действительно, успех был грандиозным и ошеломляющим. 1902 год Артистка едет на гастроли с концертами по городам страны: Рязань, Ташкент, Воронеж, Курск, Харьков, Киев, Одесса, Ростов, Баку, Тифлис... В провинции Вьяльцеву не знали — радио не было, пластинок ее в то время — гоже. Из города в город о ней передавались легенды. Певица покорила всех. Ее заставляли бисировать по десять — двадцать раз, и она, не отказываясь, пела, пела, пела... Каждый концерт — сплошная овация. Из провинции Вьяльцева приехала знаменитостью.

В Петербурге в театр «Буфф», где она стала играть, нельзя было достать билеты. А уж в зал Благородного собрания, где Вьяльцева давала сольные концерты, вызывали полицию «для поддержания порядка». Обычно концерты проходили так. Спев весь объявленный в программе репертуар, певица покидала зал. Все бросались к сцене, кричали, аплодировали, топтали ногами. Сидевшие в передних рядах возмущались, полиция пыталась навести порядок. Тут выходила Вьяльцева и жестом руки успокаивала всех. Затем, обращаясь к полицейским чинам, говорила:

«Здесь вы не нужны, за порядком буду следить я». И пела снова, выполняя все просьбы боготворившей ее публики.

О редкой работоспособности, о громадной самоотдаче Вьяльцевой вспоминают все современники артистки. Она жила, сжигая себя в каждом концерте, где по собственной воле удваивала, а иногда и утраивала программу. Каждый вечер выходила она на сцену и отдавала песням всю себя, все свое дарование, все обаяние.

И все же Анастасия Вьяльцева больше эстрады любила театр. Будучи уже известной эстрадной «звездой», «дивой», «несравненной» (зпитет этот порой заменял ей имя), она вдруг решила выступить в опере. Директор театра «Буфф» П. В. Тумлаков по ее инициативе организовал специальные оперные спектакли, наделавшие много шума в обеих столицах. Вьяльцева пела ведущие партии в операх «Кармен», «Самсон и Далила», «Миньон» и других.

Новой славы это ей не принесло, зато дало возможность представителям всех газетных жанров обрушить на нее критический огонь. Ее громили статьими серьезные академические музыковеды, высмеивали фельетонисты, подкалывали бойкие репортеры. «На сцену оперы и драмы врываются в последнее время элементы, которые далеки от искусства, — писал композитор В. Н. Гартевельд. — Щедрин как-то ворчал о том, что «чумазый идет», я же говорю людям искусства: «Берегитесь! «Несравненная» идет!». «Я до сих пор не знал, — острит Ю. Беляев в «Театре и искусстве», — что троянская царица была обучена цыганскому пению».

А «Петербургский дневник театра» опубликовал даже шуточный «Процесс А. Д. Вьяльцевой». Обвинительный акт гласил: «Известная петербургская чародейка А. Д. Вьяльцева, сводящая публику с ума неподражаемым исполнением цыганских романсов и посему даже именуемая знатоками «несравненная», возымела дерзкое намерение испробовать свои силы в опере...». Были в этом суде и обвинители (строгие музыкальные критики), и свидетели, и публика, и эксперт. А к концу заседания, когда был вынесен оправдательный приговор, весь состав суда вместе со строгими критиками стал отчаянно просить артистку спеть «Под чарующей лаской твоею»...

Сейчас нам трудно судить были ли они правы или просто не захотели допустить цыганскую певицу в свой избранный круг. Да это и неважно. Для тех немногих, кто знает Вьяльцеву сегодня по старым, заигранным грамофонным пластинкам, она останется одной из первых талантливых исполнительниц эстрадных песен, просто и безыскусно повествовавших о любви и счастье.

Вьяльцева умерла, когда ей было чуть больше сорока. Умерла надорвавшись, как говорили врачи, заболев лейкемией, страшной и в то время очень редкой болезнью. Провожал ее в последний путь весь Петербург, на улицах около дома артистки пришлось перекрыть движение. Похоронили Анастасию Дмитриевну в Александро-Невской лавре.

«Грамофонная пластинка сохранила людям тень ее голоса, — писал в некрологе С. Г. Петров-Скиталец, — но даст ли он понять не слышавшим ее, что такое была Вьяльцева, в чем был ее очарование, что сделало ее «несравненной»?.. Это знает только мы, ее современники, тем горше наша утрата, и тем тяжелее думать, что ее уже нет!»

Елена СНЕЖКО

ЗВОНКИЙ, серебристый голос, прорываясь сквозь шорохи и треск старой грамофонной записи, поет о «жгучей любви» и о «чарующей ласке», о том, что надо ловить «любви час золотой» и «ах, да пускай свет осуждает», но «никто, поверь мне, не сумеет тебя так жарко приласкать». И, наконец, знаменитое:

*Гай-да тройка,
снег пушистый,
Ночь морозная кругом.
Светит месяц серебристый,
Мчится парочка вдвоем...*

Неправильный выговор, своеобразная фразировка — звук как бы пропадает, чтобы затем зазвенеть с новой силой в переливчатом стаккато.

Сначала слушаю с недоверием — уж слишком нелепы слова всех этих «р-роковых» романсов, но постепенно я перестаю различать их, и в душе что-то начинает откликаться этому чудному, чарующему, серебристому голосу, куда-то зовущему, завораживающему. Хочется его слушать и слушать, не имея, увы, возможности воочию увидеть поющую волшебницу.

Анастасия Дмитриевна Вьяльцева. Загадка ее феноменального, небывалого успеха занимала умы многих театральных критиков конца прошлого и начала нынешнего века. Некоторые из них не мудрствуя лукаво считали ее песни пошлой, мещанской безвкусицей, состряпанной в угоду необразованному обывателю, другие же заполняли газетные полосы панегириками, называя ее «чаровницей», «дивой», «несравненной». Философы видели разгадку ее популярности в общем болезненном духе, в золотушной и нервной атмосфере начала века, где пышным цветом расцвело все то, что «уводило» от серости и скуки, от какой-то предгрозовой напряженности жизни. Думавшие критики объясняли ее успех появлением нового класса — русской буржуазии, приемлющей «только такое искусство».

*Захочу — полюблю,
Захочу — разлюблю.
Я над сердцем вольна,
Жизнь на радость дана...*

— пела Вьяльцева с дразнящей женственностью, улыбаясь своей знаменитой «вьяльцевской» улыбкой, и публика, которая «ела глазками певицу, как новобранец — ротного», по меткому замечанию одного из репортеров, вдруг взрывалась в неистовстве, ненасытная, жаждущая повторения; повторения еще и еще.

Конечно, все критики по-своему правы, но даже те, кто не признал певицу, признали этот яркий, самобытный талант, цельность и естественность пения, тот особый дар, который заставлял самых разных людей — от безграмотного купца до известного столичного литератора — ходить на ее концерты. Даже такой строгий ценитель искусства, как Вл. И. Немирович-Данченко, был очарован ею: «Она мне доставила удовольствие, большая артистка». Еще выше оценивал ее творчество С. Г. Петров-Скиталец: «За последние 15—17 лет не было, кажется, никого, кто бы так согревал, моллил и радовал петербуржцев, как Вьяльцева». И дальше: «Да, я знаю, Вьяльцева была всего только певицей цыганских песен и нехитрых романсов, которые не признает гордая серьезная музыка. Но тем больше ее заслуга, тем удивительней ее гений, что даже с такими немудреными средствами она давала чарование искусства и покоряла, и оживляла сердца».